

Даос Цанъян, хотя и получил особую милость, все же строго соблюдал этикет и не позволял себе лишнего, сказав Чу Циюню:

— Перед Его Величеством веди себя прилично.

— Ничего страшного. — Сяо Юйшань махнул рукой, не обращая на это внимания.

Чу Циюнь налил суп и подал его Сяо Юйшаню, улыбаясь:

— Суп из пастушьей сумки с вегетарианскими фрикадельками. Я сам приготовил, не знаю, понравится ли Вашему Величеству.

— Ты умеешь готовить? — Сяо Юйшань, никогда не знавший, что Чу Циюнь обладает кулинарными навыками, сразу заинтересовался и тут же захотел попробовать.

Однако белая фарфоровая ложка была отстранена Чу Циюнем, который протянул палочки и преградил путь к губам. Сяо Юйшань, не понимая, что происходит, невинно посмотрел на него. Чу Циюнь положил в его тарелку немного «дисаньсянь» и объяснил:

— Фрикадельки только что с огня, они горячие, Ваше Величество, будьте осторожны.

Сяо Юйшань улыбнулся, не упрекнув Чу Циюня за бесцеремонность, а, наоборот, с радостью принял это. Попробовав «дисаньсянь», он сказал:

— Раньше во дворце, если это не был частный ужин, первый кусок был очень важен.

Чу Циюнь спросил:

— Как это?

— Первый кусок императора обычно не попадал в его рот, сначала его нужно было положить в тарелку императрицы-матери, а затем, если есть императрица, второй кусок — ей. И только третий кусок мог попасть в рот императора. — Неосознанно в улыбке Сяо Юйшана появилась тень сожаления. — Видишь, как вам, простым людям, повезло — вы можете делать все, что хотите, и это счастье.

Если даже кусок еды нельзя взять по своему желанию, то о какой свободе может идти речь?

Чу Циюнь, услышав это, внезапно почувствовал глубокое сочувствие, подумав, как нелегко Сяо Юйшаню. Через мгновение он взял палочки и начал класть в тарелку Сяо Юйшаня все блюда со стола, а затем добавил и своему учителю, даосу Цанъяну:

— Сегодня я буду тем, кто делает «третий кусок»!

Услышав это, тень сожаления в сердце Сяо Юйшаня словно рассеялась, и он улыбнулся, его глаза наполнились нежностью.

Даос Цанъян тоже улыбнулся, но, опустив голову, чтобы поесть, он не мог не нахмуриться — раз уж он не смог остановить это, то теперь все зависело от судьбы Чу Циюня.

Даос Цанъян сегодня понял их отношения, но не был шокирован, словно все это было предопределено. Их намеки давно уже появились, и такой проницательный человек, как даос Цанъян, не мог не заметить этого.

Раньше он не вмешивался, лишь потому что надеялся на лучшее, но теперь, когда все стало ясно, их чувства были перед ним, как за тонкой завесой, и он мог видеть все до мелочей.

Даосизм учит следовать естественному ходу вещей, и то, как сложится их судьба, — это естественно, и никто не сможет вмешаться.

17. Поездка на летний отдых (часть 2)

После той прогулки на рынок Сяо Юйшань не только не испугался бандитов, но и мечтал снова выбраться из дворца, как будто это стало для него зависимостью, как алкоголь или табак. Чу Циюнь, не зная, что делать, тайно планировал это несколько дней, включив в свои планы даже Ань Фэна, боясь новых неприятностей.

Ань Фэн, с его непоколебимой честностью, убеждал императора трижды подумать, прежде чем действовать, и категорически отказывался участвовать в их планах.

Сяо Юйшань поднял бровь, его глаза, похожие на персиковые цветы, сверкнули, и он улыбнулся:

— Я планировал инкогнито выйти в народ, чтобы узнать, как живут люди, а затем заглянуть в дом министра Е —

Ледяное лицо Ань Фэна дало трещину, он слегка нахмурился, чувствуя себя крайне неловко. С тех пор, как он проводил князя Цзиньяня из столицы, он с Е Вэньцином не смог найти общего языка, и их разговор закончился ссорой. Ань Фэн потом сожалел, но, будучи занят сопровождением императора, не мог встретиться с ним.

Сяо Юйшань сидел рядом, спокойно пил чай, не торопясь, а через некоторое время обменялся взглядом с Чу Циюнем. Чу Циюнь понял его намек, взмахнул своим посохом и с сожалением сказал:

— Я хотел провести Его Величество в ресторан «Янлоу» на восточной улице, чтобы выпить хорошего чая и попробовать ледяной десерт. Но, к сожалению, Ань Фэн не хочет идти с нами, а Его Величество не может обойтись без защиты, так что эту поездку придется отменить.

Сяо Юйшань сделал вид, что расстроен, и пожаловался на упрямство Ань Фэна:

— Ты посмотри, я наконец-то выбрался, а теперь не могу узнать, как живут люди. Это действительно печально.

Увидев его выражение сожаления, Ань Фэн невольно пробормотал:

— Ваше Величество, вы не ради народа спускаетесь с горы, а ради ледяного десерта.

Сяо Юйшань уловил эти слова, но не рассердился, а, наоборот, решил подразнить Ань Фэна, серьезно спросив:

— Что ты сказал?

Ань Фэн, как бы честен он ни был, не стал бы жаловаться в лицо, поэтому сразу же поправился:

— Я готов сопровождать Ваше Величество.

Сяо Юйшань был доволен и снова улыбнулся:

— Вот это другое дело.

Чу Циюнь подмигнул Сяо Юйшаню, хитро улыбнувшись, как лиса. Он одной рукой схватил Сяо Юйшаня, а другой — Ань Фэна, торопя их переодеться в обычных молодых людей.

Через час Чу Циюнь заказал три порции ледяного десерта и чай, и они сели в углу ресторана «Янлоу».

Переодевшись в обычных людей, они не стеснялись, и Ань Фэн, глядя на Сяо Юйшаня, с ледяным выражением лица сказал:

— Вы еще не узнали, как живут люди, а уже едите и пьете.

Сяо Юйшань сидел у окна, глядя на людей, входящих и выходящих из ресторана «Янлоу», большинство из которых были одеты как ученые и литераторы, и в его глазах появилась легкая улыбка. Он закрыл веер и, указывая им вниз, многозначительно сказал:

— Это место идеально подходит.

Оказалось, что Чу Циюнь привел их в ресторан «Янлоу» не только для того, чтобы поесть и выпить, но и с более глубоким смыслом. Ресторан «Янлоу» был местом, где собирались писатели и поэты, чтобы писать стихи и обсуждать текущие события. Жители Цзяньяна считали это местом изысканности.

Если хочешь узнать, как живут люди, нужно погрузиться в их жизнь, и Сяо Юйшань, улыбнувшись своим спутникам, сказал:

— Сегодня я хочу послушать, что говорят в народе.

Вскоре ледяной десерт был подан. Десерт был политый сиропом из коричневого сахара, с кусочками арахиса, черного и белого кунжута, а также с различными сухофруктами. В жаркий летний день это было излюбленное лакомство посетителей ресторана «Янлоу», которое особенно хорошо охлаждало.

Сяо Юйшань наслаждался десертом, чувствуя, как жара постепенно спадает, а его сердце и душа наполняются прохладой. Чу Циюнь, кушая, смотрел на Сяо Юйшаня, словно на его лице была вышита цветочная картина, которую он не мог насмотреться.

Чу Циюнь не мог не подумать, что если бы Сяо Юйшань был просто знатным юношей, он был бы куда более счастливым и свободным. Видимо, быть избранным судьбой не всегда к лучшему.

Сяо Юйшань заметил его взгляд и в ответ посмотрел на него, его глаза тоже светились улыбкой, полной нежности, как весенний ветер.

Этот обмен взглядами становился все более интенсивным, и даже Ань Фэн, не особо чувствительный к романтике, заметил неладное:

— Вы —

Чу Циюнь тут же отвел взгляд, а Сяо Юйшань слегка кашлянул, словно пытаясь скрыть смущение, прервав Ань Фэна:

— Этот ледяной десерт прекрасен. Нужно научить дворцовых поваров готовить его.

Ань Фэн посмотрел на Сяо Юйшаня, затем на Чу Циюня, но не смог найти ни единого намека, поэтому просто зачерпнул ложку десерта и проглотил его вместе со своими подозрениями.

В какой-то момент зазвучала музыка, и музыкант с саньсянем сел в центре зала, а рядом с ним певица, ее тонкие пальцы перебирали струны пипы, и она пела мелодичный куплет.

«Песок Мобэй тянется до края земли, здесь рождаются лишь обычные камни.

На горе Дунли живет старый бессмертный, который всю жизнь варит эликсиры.

Вижу, как золотое солнце садится на западе и восходит на востоке, как серебряный месяц восходит на востоке и садится на западе, как времена года сменяют друг друга, но только бессмертный в лунном дворце остается неизменным в своей красоте».

Закончив петь, пипа замолчала, и музыкант спросил:

— Что это значит?

Певица снова заиграла на пипе и пропела в ответ —

«Бессмертный в лунном дворце сидит в небесном дворце, его красота губит царства, его облик — яшма, его дух — лед, споем же о «Ошибке в цветочном поле» [прим. перев.: название популярной оперы]».

Ее голос был мелодичным, как пение соловья, и слушатели не могли не аплодировать. Это было произведение известного писателя, и хотя он не называл имен, все присутствующие понимали, о ком идет речь.

Сяо Юйшань, казалось, не понимал, что песня была о нем, и не только с удовольствием слушал, но и аплодировал вместе со всеми. Ань Фэн подошел к Чу Циюню и, глядя на Сяо Юйшаня, с сложным выражением лица спросил:

— Он не понимает, что песня о нем?

— Вы ошибаетесь, Ань Фэн. — Чу Циюнь взглянул на Сяо Юйшаня, и его глаза наполнились улыбкой, полной хитрости. — Именно потому, что он знает, он может быть таким открытым и спокойным.

Стены дворца не могут остановить слухи, и, вероятно, Сяо Юйшань давно уже знал о народных шутках. Теперь, услышав их лично, он воспринимал их как развлечение.

Несмотря на это, Чу Циюнь все же не был спокоен и, повернувшись к Сяо Юйшаню, тихо спросил:

— Понравилось?

<http://bllate.org/book/16210/1455413>